

етту с условием, чтобы им возвратили Иерусалим и некоторые местности Сирии. Это предложение было отвергнуто и переговоры прекратились.

В пятницу, в 27-й день луны зильджи (1 апреля 1250 г.), французы сожгли все военные машины и деревянные постройки, а вместе повредили почти все свои суда.

В 648 году эгиры, в ночь на вторник, в 3-й день луны мугаррема (5 апреля 1250 г.), вся французская армия снялась с лагеря и направилась по дороге в Дамиегту; несколько судов, сохранившихся у них, спустились в то же время по Нилу. В среду па рассвете мусульмане, заметив отступление христиан, преследовали их и тревожили нападениями: главное дело было при Фарискуре; французы были разбиты и обращены в бегство; 10 тысяч осталось на поле битвы, а другие говорят – 30 тысяч; более 100 тысяч пехотинцев и служителей были обращены в рабство; лошади, мулы, палатки и другие сокровища составили богатую добычу; со стороны же мусульман убито всего 100 человек. Мамелюки-багариты под предводительством Бибарса Эльбондукдари особенно отличились в этом деле. Король Франции, сопровождаемый несколькими князьями, удалился на небольшой холм; он сдался под условием сохранения жизни евнуху Джемаледдину-Мухсуну-Эльзалиги; на него наложили железную цепь, отвели в таком виде в Мансуру и заключили в доме Ибрагима бен-Локмана, секретаря султана, под стражей евнуха Сагила; брат короля был взят в то же время и отвезен в тот же дом; султан доставлял им средства к существованию.

Многочисленность пленных начинала затруднять; султан приказал Сейфеддину умертвить их; каждую ночь этот жестокий раб мстительности своего властелина выводил 300 или 400 человек из темницы и, отрубив им голову, бросал их в Нил; таким образом погибло 100 тысяч французов.

Султан, отправившись из Мансуры, прибыл в Фарискур, где и приказал построить великолепную палатку: в то же время он приказал поставить на Ниле деревянную башню и, освободившись от жестокой войны, предавался там разврату.

Победа, одержанная им, была слишком блестяща, чтобы не вразумить собой народы, подчинившиеся ему; он писал эмиру Джемаледдину бен-Агмуру, правителю Дамаска, собственноручное письмо, следующего содержания:

«Хвала Всемогущему, который обратил нашу печаль в радость; ему одному мы обязаны победой; милости, которыми он осыпал нас, бесчисленны, а последняя из них самая драгоценная. Возвести народу Дамаска или скорее всем мусульманам, что Бог даровал нам полную победу над христианами в то самое время, когда они замыслили нашу гибель. В понедельник, в первый день этого года, мы открыли нашу сокровищницу и роздали наши богатства войску вместе с оружием; мы призвали к себе на помощь колена арабов, и бесчисленное множество людей стояло под нашими знаменами. В ночь со вторника па среду наши враги снялись с лагеря и вместе с обозом отправились к Дамиегте. Несмотря на мрак ночи, мы преследовали их: 30 тысяч человек остались на месте, не считая погибших в Ниле. В ту же реку мы побросали бесчисленное множество пленных. Их король удалился в Мипиех; он молил нас о милосердии, и мы даровали ему жизнь и оказали почести, должные его сану. Дамиегту снова взяли».

Вместе с письмом султан отправил шапку короля, которая свалилась с него во время битвы; она была пурпуровая, обшитая серым мехом; правитель Дамаска надел королевскую шапку на голову и в ней читал всенародно то письмо. Какой-то поэт по поводу этой шапки написал следующие стихи: «Шапка француза была бела как бумага; наши сабли окрасили ее в неприятельскую кровь и изменили цвет».

Мрачная и уединенная жизнь, которую вел султан, раздражала умы всех, он держал при себе нескольких любимцев, привезенных им из Хусп-Кейфа; их он облек в высшие государственные должности, отнятые у старых слуг его отца; особенно он обнаруживал непримиримую ненависть к мамелюкам-багаритам, хотя они так много содействовали последней победе; его разврат истощил казну, и чтобы наполнить